

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1/14(571.54)

Е.А. Раднаева

КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В БУРЯТСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ГЭСЭР»

Е.А. Radnaeva

THE CATEGORIES OF SPACE AND TIME IN THE BURYAT HEROIC EPOS «GESER»

Heroic epos «Geser» is one of the most prominent monumental creative work of buryat folk. In the article it is revealed some forms of time and it is considered the models of space in the structure of the epos text.

Пространство и время – философские категории, составляющие одно целое, части которого, соприкасаясь друг с другом, существуют как два самостоятельных понятия. Представления о пространстве и времени отражаются в различных сферах жизни человека, в том числе и в явлениях культуры. Известно, что пространство являет собой сосуществование явлений и образов: «одно подле другого», а время, в свою очередь, предполагает последовательность событий и явлений, то есть «одно после другого» [7. – С.302]. Пространство и время образуют модель мира и представляют собой неразрывное единство. Следуя методологии анализа литературных произведений М.М. Бахтина, такое явление мы называем «хронотоп» [2. – С.122].

В традиционной культуре представление о пространстве и времени не всегда согласуется с привычным определением этих категорий. Ярким свидетельством этого являются эпические произведения разных народов, в числе которых значительное место занимает героический эпос «Гэсэр».

История национальной культуры начинается с эпоса, и героический эпос «Гэсэр» составляет ценнейшую часть культурного наследия и предмет национальной гордости бурятского народа. Более 100 лет посвятили изучению «Гэсэриады» выдающиеся умы, по признанию которых в 1995 г. эпосу «Гэсэр» исполнилось 1000 лет. Широко известны такие ученые-эпосоведы, как А.И. Уланов, Н.О. Шаракшинова, М.П. Хомонов, С.Ш. Чагдуров, М.И. Тулохонов, Е.О. Хундаева, З.П. Морохоева, Б.С. Дугаров, Д.А. Бурчина и другие, в работах которых, в частности монографических, встречаются упоминания о проблемах пространства и времени в эпосе «Гэсэр».

«Гэсэр» является отражением представлений предков бурятского народа, так как события, разворачивающиеся внутри сюжета, отражают восприятие нашими предками пространства и времени. В данной статье мы ставим перед собой задачу определить параметры временной и пространственной организации в эпосе «Гэсэр».

К.А. Никифоров считает, что восточная культура, имея в своей основе время, развивается по своим законам. По его мнению, характер мышления представителей восточной культуры «временной». Об этом свидетельствуют следующие его слова: «Монгол не замечает своих пустынных территорий и измеряет их не километрами или метрами, а временем прохождения пути («день пути или два»)» [12. – С.6].

Время в эпосе Б.Н. Путилов рассматривает в трех временных художественных аспектах: повествовательное, сюжетное и эпохальное время [13. – С.33]. Повествовательное время определяется как совокупность временных отношений повествователя к повествуемому, как они воплощены в эпических текстах. Повествователь для нас в данном случае – певец-улигершин, голос, созидающий и хранящий эпос. Сюжетное время представляет собой весь комплекс временных отношений внутри сюжета – отношения между событиями, между персонажами и событиями, характер и способы временной фиксации происходящего, отсчета времени. Эпохальное время носит исторический характер, так как эпосу свойственно толкование прошлого как неповторимой исторической эпохи.

В основе повествования эпоса «Гэсэр» лежит отношение сказителей к эпическому миру, прошлому народа. Героическое прошлое, представленное нам в эпосе «Гэсэр», в сознании эпической среды реально. Эпическая среда призывает нас верить в то, что это прошлое действительно было когда-то, отмеченное рядом событий, деяниями героев, связанное определенными пространственными пределами.

Гэсэр – это целая эпическая история, заключающая в себе феномен замкнутости. Поэтому временная организация эпоса не соблюдает хронологии и не всегда определяет четкую дистанцию. В этом заключается

парадоксальность повествовательного времени, так как в сказаниях о подвигах, странствиях и испытаниях героев часто не соблюдаются временные дистанции.

Начало эпопеи говорит о далеком прошлом, но когда именно могли происходить описываемые события, нам остается неизвестным, что собственно и придает эпическим произведениям ту загадочность, к которой, возможно, и стремились сказители-улигершины. На очень далекое прошлое указывают строки, наполненные таинственностью и имеющие мощный эмоциональный эффект: «Когда время из вечной вечности // Как река лишь брало начало // Когда части из цельной цельности // Возникали мало-помалу // Вот когда это было» [3. – С. 16].

Главным определяющим ориентиром «того времени» выступает эпическая среда. Подробное описание пространственной организации (рельеф, небесные светила, животные и растения) является продуктом времени, где время – это результат изменения эпической среды. Носители и хранители древних эпических традиций – улигершины – стремятся создать представление о минувшем времени как о начальном времени при помощи описания девственного, нетронутого эпического мира, подтверждая это словами: «И далеко до этого было». Об этом свидетельствуют строки на первых страницах знаменитой эпопеи: «Дорог земных великое множество // По земле еще не змеилось (И далеко до этого было) // Белое и черное, светлое и темное // Еще друг от друга не отделились (И далеко до этого было) // Белое и серое на многие цвета // Еще как радуга не дробились (И далеко до этого было) // Многие восточные племена между собой еще не сразились (И далеко до этого было)» [3. – С. 18].

Так, мы можем рассматривать время в эпосе «Гэсэр» как мифическое, сакральное время. Не случайно великое мироздание именуется юным, великое поднебесье молодым. Мы видим как бы оживление героического прошлого, его воспроизведение. Эпическое время с его событиями заново осуществляется на глазах у слушателей. Время мифа для его хранителя и рассказчика не отошло в прошлое; мифологическое повествование заканчивается соотносением событий с настоящим сложением мира или его будущей судьбой [9. – Стб.1175].

Мифическая эпоха – это эпоха первопредметов и перводействий, первотворения. Эта эпоха отождествляется с происхождением сущности вещей («Слова превращались в вещи»), воплощение задуманного в реальность («Задуманное становилось сказанным»), возникновение противоположностей («Цельное дробилось на части»). Поэтому когда или как давно было то время, которое описывает эпос – вопрос, в сущности, неуместный. Таким образом, можно предположить, что речь идет об эпохе, определяющей начало всех времен, предшествующей началу отсчета эмпирического времени.

Проблема отсчета сюжетного времени возникает при попытке понять логику развертывания событий и связи между ними. Движение времени, берущее начало в вечности, сравнивается с рекой. Отсюда идет отсчет эпического времени. Далее изменения во времени не имеют фиксации: события разворачиваются, рождается и растет Хан Хурмас, заводит семью и собственных детей. В целом время характеризует ситуацию, возникающую внутри сюжета. Так, взросление героев происходит вне временного отсчета. Гэсэр совершает множество подвигов, одерживает победы без четких временных разделителей. Ряд последовательно разворачивающихся событий в эпосе поставлены во временную связь, вытекают одно из другого или заключены одно в другое, но выражение этих связей остается весьма условным, поэтому невозможно представить, в каких именно временных границах происходят события.

Время в эпосе «Гэсэр» способно растягиваться и сжиматься. Оно меняется в соответствии с переменой отношений между величественными владыками небесных долин Хана Хурмаса и Атай Улана. Начало их противоборства – это результат накопления сил и могущества, время, когда настала пора меряться силами. Здесь улигершин прибегает к числовой характеристике лет, сумму которых определяют события, разворачивающиеся внутри сказания: «А властелины десять лет уже спорят // Слухи друг о друге выслушивают // Сплетни друг о друге собирают // А потом и двадцать лет они спорят» [3. – С. 25].

Таким образом, эпический сюжет предполагает развертывание событий во времени. Время в эпосе ситуативно, условно, функционально, сюжетно управляемо и не выходит из-под контроля повествования [13. – С. 35].

Главные действующие лица в эпосе не имеют определенного возраста. Возраст героев эпоса характеризуется младенчеством, молодостью, зрелостью и старостью. В повествовании упускается продолжительность жизни верховных богов и других персонажей. Это может означать, что эпос вмещает в себя вечность. В эпической вечности мгновение не является частью уходящего времени, не несет в себе разорванность, в этой вечности есть лишь разделение на прошлое, настоящее и будущее. Указание на эпическую вечность мы видим в эпилоге эпоса: «И жить мы будем до скончания века» [4. – С.285]. При этом остается неизвестным, сколько именно длится эпический век.

Лишь иногда, когда улигершин перечисляет достоинства персонажей эпоса, можно проследить годы жизни. Так описывается «биография» дочери Срединного царя Сэгэн Сэбдэга Сэсэг Ногоон: «От рождения годик прошел // Царевна стоять-ходить начала // От рождения два года прошло // Царевна говорить, лепегать

начала // С семи от рождения лет // Заливаться петь начала // С восьми от рождения лет // Плясать танцевать пошла // После десяти лет // За хозяйством присматривать стала // После тринадцати лет // Красотой заблестала», [3. – С.48].

Жизнеописание в эпосе «Гэсэр» носит психологический характер, и в основе прошлого лежит опыт пережитого. Исследуя эпос, М.М. Бахтин подчеркивает, что эпическое прошлое отгорожено непроницаемой гранью от последующих времен, сохраняется и раскрывается только в форме национального предания. Данное положение подтверждают следующие его слова: «Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам, для которых оно станет прошлым (окажется в далеком образе), станет объектом памяти, а не объектом живого видения, контакта» [2. – С.406]. То есть представление времени в эпосе выражается в виде временного сдвига – ретроспекции. Поэтому биографическое время, в котором должен проследиваться путь эпических героев от детства к старости, в повествование, как правило, не включено.

Следуя выражению «ценить свое время», человек, находясь в реальном мире, преодолевает время, правильно планируя его. Тем не менее люди часто предоставляют времени распоряжаться ими и «плыть по течению». Чего нельзя сказать об эпическом времени. В эпосе нет времени, потерянного зря, каждый временной отрезок наполнен смыслом. Время здесь способно свертываться, и герои эпоса, выполняя какие-либо действия, нацелены не на скорость, а скорее на качество, следствием чего должен быть успех любого дела. Например, чтобы собраться на охоту, Хану Хурмасу необходимо подготовить своего коня. Для крепости и округлости копыт он водит его по камням, затем по льду. Сначала содержит его на равнине, затем на горах для придания ему силы и стати. «Все это проделав спокойно, с толком, берет он потник...» [3. – С.33]. Эпический герой осуществляет собственные планы и действует, пока время дает ему такую возможность. Упущение времени или сожаление об упущенном времени не допускается в эпосе, хотя действия героев могут повторяться. Поэтому мы можем говорить об обратимости эпического времени.

Ускорение и замедление времени также подчинено эпическому сюжету. Так, например, болезни и исцеление героев не подчиняются единой формуле. Если часто герой может исцелиться чудесным способом за одно мгновение, то также болезнь и исцеление могут затягиваться. Заболевшая от сил колдовства принцесса Наран Гоохон исцеляется благодаря жаворонку Азарга, который «долго лежит» на ее груди, вытягивая болезнь. Полное выздоровление красавицы ускоряет счет времени, но без указания его четких границ: «Властелина Наран Дулаана дочь // Несравненная принцесса Наран Гоохон // С каждым часом становится все живее // Из дня в день, из ночи в ночь // Она становится веселее» [3. – С. 32].

Время исцеления ускоряется, когда сестра Гэсэра Эржэн Гоохон лечит его от отравления: «Абай Гэсэр окурен и облит, тотчас вернулись разум и облик» [3. – С.161]. Также быстро излечил Гэсэр своего вещего коня от слабости и истощения: «Где пройдет по коже его ладонь, // Становится чистым, лоснится конь», «Вокруг коня он трижды обходит...», «Возвратились в коня и кровь, и пыл, // Стал конь таким же, каким и был» [3. – С.162].

Появление Гэсэра на земле также характеризуется ускорением времени. Будучи новорожденным младенцем, он способен говорить, самостоятельно передвигаться и выполнять различные действия. Став чуть старше, он уже ездит верхом на коне и способен наказывать своих недоброжелателей. Быстрый рост главного героя эпоса означает его небесное происхождение и особое предназначение и происходит во временной взаимосвязи между сюжетами. Гэсэр, прежде чем войти в постоянный возраст, переживает пору героического детства, возможно поэтому время роста предельно сокращено.

В эпическом сказании время гиперболизируется. В ряде ситуаций в эпосе «Гэсэр» протяженность действий персонажей неправдоподобно завышена: это касается длительности поединков, поездок, ожиданий, разлук и т.д. Гиперболизированное время предстает в гигантских представлениях, и персонажи как бы не замечают идущего потока времени. Например, поэтическая функция гиперболизации, преобладающая в эпосе, применяется при описании ведения беседы между Гэсэром и женой Хара Зутана: «Говорят, // Пока сметана на чистой воде не настоится, // Говорят, пока трава на голом камне не уродится» [4. – С.76].

Время в эпосе при описании событий как бы ускользает или останавливается и вновь появляется. Так, счет времени возникает и объединяется с пространством, когда герои странствуют, пребывают в гостях. Битва великая может длиться по три дня и более с перерывами: «Три дня они быются..., семь дней они быются, // А схватка все не кончается» [3. – С.199], «Девять дней они не отдыхают, // Девять дней беспрерывно быются», «День днем они измеряют, // Месяц месяцем исчисляют...» [4. – С. 35]. Преувеличение времени поединков – обычный прием для эпоса, также как и затянувшиеся на долгие дни пиршества. Б.Н. Путилов такое явление в эпосе называет условным стереотипом [13. – С.39]. Для отдыха, приема пищи и сна иногда необходимы целый день или целая ночь; для празднования, пиршества – десять дней, месяц или даже год: «Месяц веселятся и отъедаются гости, целый год они веселятся...» [3. – С.106]. Главный герой Гэсэр длительное время способен обходиться без пищи: «Чтобы голода не чувствовать десять лет, // Рот себе паучьим жиром намазал... Чтобы голода не чувствовать двадцать лет, // Губы себе червячьим жиром намазал» [4. – С.15]. Пространственная даль или близость не всегда имеет количественные характеристики, преодоление расстоя-

ния в эпосе считается днями, ночами, сутками «проскакав без боязни три ночи, три дня...». Персонажи в эпосе наделены способностью перемещаться в пространстве с нереально высокой скоростью: «Трехлетний путь, // За три месяца пролетают» [4. – С.34]. Отрезок преодоленного расстояния героями также носит условный характер, что свойственно любому эпосу. Описание конца путешествия часто завершается словами «... добрался он наконец».

В структуре народного календаря бурят сутки соотносятся с замкнутым временным циклом от восхода до восхода [6. – С.98]. Поэтому мерой времени в эпосе выступают сутки (от ночи до ночи) или день и ночь: «трое суток Хаара Зутан молитвы творил» [4. – С.51]. Длительность дождя также характеризуется счетом дней: «Под семидесятидневным дождем не промокшие...» [4. – С.14].

Различные изменения (как позитивные, так и негативные) в жизни земного народа определяются просто: «из месяца в месяц, из года в год...». Числовые характеристики даются возможно для того, чтобы зафиксировать результат, определить завершение события. Важно отметить и то, что в эпосе «Гэсэр» не всегда соблюдается последовательность в наступлении времен года. О том, что события происходят в летний период, мы узнаем благодаря описаниям зеленых пастбищ, убранству лесов. Переход к зиме происходит незаметно, герой как бы вдруг оказывается в белых заснеженных горах или среди льда. В «Гэсэре» очень часто встречается одновременность действий и событий, то есть в одно и то же время описываются разные действия, возможно для обозначения важности того и другого действия или события в эпическом настоящем.

Согласно трудам М.И. Тулохонova, З.П. Морохоевой, мы можем предположить, что пространство в эпосе «Гэсэр» может рассматриваться как мифологическое. Однако символическая природа чисел, подробные описания жилищ, зданий, окружающей природы говорят о том, что пространство в эпосе «Гэсэр» может быть рассмотрено как символическое пространство, о чем свидетельствуют труды А.Д. Уланова, Е.О. Хундаевой. Также в эпосе «Гэсэр» имеет место пространство реально-историческое, так как в тексте встречаются упоминания конкретных географических местностей, подтверждением чему служат труды С.Ш. Чагдурова.

Анализируя текст эпоса «Гэсэр», М.И. Тулохонov пришел к выводу, что представления о странах света в эпосе «Гэсэр» носят неопределенный характер, нет точного обозначения местностей и географических координат [1. – 463]. Гора Сумбэр выступает как мифологический топоним, хотя в текстах встречаются упоминания реально существующих географических объектов, таких как Алтай, Хухэй, Байкал, Ангара, Лена (Зулхэ). «Герои охотятся на горных вершинах Алтая, по северным склонам Хухэй». Необъятный по масштабам эпический мир включает в себя «Желтое море», «Черное море», «открытую Тамшинскую равнину», «гору Тэбхэ». В действительности на берегу реки Ангара есть гора Орголи, упоминания о которой мы встречаем в эпосе. Согласно легенде, она образовалась из той щепотки земли, которая слетела со стрелы Гэсэра, выпущенной вслед убежавшему мангадхаю. Красная гора в Нукутах («Унгинская красная гора») также связана с именем Гэсэра. М.И. Тулохонov полагает, что названия этих конкретных местностей использовались сказителями для обоснования художественной достоверности, описываемых в эпосе событий. По мнению ученого, эпическое пространство в целом гиперболизировано, представляет собой горизонтальную схему и не имеет четких границ. М.И. Тулохонov считает, что места кочевков (горные системы) представляют собой центр, так как вокруг этих мест разворачиваются все события. Какое бы большое расстояние в пространстве ни преодолел Гэсэр, он неизменно возвращается к родным кочевьям. Пространство воспринимается динамически – как испытание, как то, что нужно преодолеть и освоить, что рождает архетип «трудного пути».

Пространство в эпосе «Гэсэр» имеет определенную структуру, выстроенную в вертикальной и горизонтальной проекциях. Во-первых, в тексте соблюдается определенная иерархия пространственной организации – «верх-низ». Во-вторых, «существует и горизонтальное членение мира по сторонам света» [14. – С. 60]. Вертикальный взгляд на пространство у бурят сохраняется в провозглашении культа дерева. Н.Б. Дашиева мировое древо выделяет как универсальную мировую вертикаль, «аналогия акта исполнения улигера с функциями мирового древа у бурят подтверждается названием структурных частей эпоса, как ветви» [5. – С.167]. Архитектоника текста эпоса «Гэсэр» представляет собой девять частей, которые в свете сближения понятий «год» и «эпос» Н.Б. Дашиева рассматривает как указание на деление годового цикла в архетипе календаря западных бурят на девять временных периодов.

Знатоки и собиратели устного народного творчества Н. Балдано, Ц. Галсанов, Х. Намсараев, А. Шадаев и другие, принявшие участие в создании свода улигеров о Гэсэре, считали, что самые опытные сказители обычно исполняли эпосею в течение девяти вечеров – каждый вечер по одной ветви [3. – С.11]. Таким образом, девять ветвей западно-бурятской версии эпоса «Абай Гэсэр» Н.Б. Дашиева соотносит с девятью частями (хурээ), на которые делится годовой цикл (девять периодов календарного года) в мифозэпической традиции западных бурят. Именно в этом в представлении слушателей, по мнению Н.Б. Дашиевой, заключается мироустройство: трехчастная пространственная организация – верх, середина, низ; время – прошлое, настоящее, будущее; социум – предки, потомки, души. Таким образом, исследования Н.Б. Дашиевой позволяют нам выделить «вертикальный хронотоп» в смысловой архитектонике текста эпоса «Гэсэр».

Согласно утверждениям З.П. Морохоевой, единство пространственно-временного континуума в эпосе может рассматриваться как акт мгновенного восприятия. Отражением этого можно считать обозначение горизонта как места схождения Неба и Земли. Во-первых, это видимое пространство – «хараанай газар», то есть пространство, которое мгновенно можно охватить взором. Во-вторых, это край неба – «тэнгэрийн» или «огторгойн хаяа заха» [11. – С.23]. Также горизонтальное видение представлено в описании местонахождения жилища старика Сэнгэлэна: «На самом краю земли стояла маленькая избушка» [4. – С.92]. Здесь может быть два объяснения: первое – у земли есть края в сознании древних, также как и у неба «... на краешек неба они присели» [4. – С.141]; второе – край земли – образ далекой стороны, изгнание в которую ассоциируется с наказанием. Саргал Ноён «На край земли к изгнанникам скачет. Своего племянника *хочет видеть*, своего племянника *обнимает*» [3. – С.105]. Здесь мы видим, что между желанием и достижением цели отсутствует указание времени, необходимое для преодоления того пространства, в котором находится Саргал ноён.

По мнению З.П. Морохоевой, в этом случае эпический герой выступает в качестве уравнивающего начала двух противоположных пространств (видимый и невидимый миры), придает устойчивость миру. Переход из одного пространства в другое позволяет строить догадки о его многомерности, неоднородности, о существовании «смежных пространств» [8. – С.21]. Следуя исследованиям З.П. Морохоевой, категорию пространства в эпосе «Гэсэр» можно определить как первобытный синкретизм человека и природы и как составную часть общей мифопоэтической картины мира.

Другое мнение высказывает А.Д. Уланов. Ученый говорит о двух пространствах (владения Атай Улаана и Хана Хурмаса), сосуществовавших в мире и согласии. Однако зависть и ревность становятся причиной борьбы между этими противоположностями [15. – С.24]. «В любом эпосе мы имеем дело с взаимоотношениями (чаще всего конфликтными) двух противостоящих миров – «своего» и «чужого»» [13. – С.23]. Вышеизложенное свидетельствует о том, что пространство А.Д. Уланов выделяет в качестве яблока раздора, явившегося причиной войн между могущественными тэнгриями, дальнейшие действия которых приведут к героическим подвигам Гэсэра. Начало титанической борьбы добра со злом было положено на небесах, и эта борьба естественным образом переносится на земные просторы.

По мнению А.Д. Уланова, восприятие пространства человеком той далекой эпохи представляется заполненностью всей земной поверхности. То есть «создатели «Гэсэра» поделили Землю на владения хана Хурмаса, властелина 55-ти долин западного пространства, Атай Улана – властелина 44-х долин восточного пространства и нейтральное пространство (срединое) Сэгээн Сэбдэг тэнгрия». Этим Уланов объясняет стопроцентную заполненность пространства исходя из расчета $55+44+1=100$. При этом 55 частей относятся к ночному времени суток, 44 части занято дневным временем суток, а одна часть покрыта сумерками» [15. – С.73].

А.Д. Уланов большое значение уделяет древнему принципу золотого сечения [15. – С.27]. Пространственная формула золотого сечения в эпосе обязывает сохранить основу гармонии, царившей на земле. Даже рождение Гэсэра подчинено данной формуле, так как он отправлен на землю в образе человека. После земного рождения Гэсэр обретает черты человека. Выражение «человек – мера всех вещей» буквально может означать следующее: высотой роста среднего человека, с длиной его рук и ног часто соизмеряется высота помещения, ширина дверных проемов. Ведь до появления метрической системы все мерили «частями тела» – локтями, саженьями. Но наш герой призван не для меры жилища или другого ограниченного пространства, а для восстановления совершенного соотношения пропорций на всей земле. Таким образом, земное пространство выступает в качестве целого организма, который во что бы то ни стало необходимо освободить от негативных сил, местом жизни, которое нужно защитить и установить в нем былой порядок.

Что касается замкнутого пространства, каким является юрта, описание ее является символическим. Например, гостей приглашают на западную сторону юрты, которая считается почетной, или по правую руку от хозяина, и уважаемый гость сидит на возвышении: «Сэгээн Сэбдэг властелин // И Сэсэн Ууган царица // Приглашают гостя повыше садиться. И вот на почетное место его сажают, // Лучшими яствами угощают» [3. – С.43].

Е.О. Хундаева данное обстоятельство объясняет равновесием между парными природными противоположностями: правой-левой, передней-задней сторонами пространства, мужским и женским началом, добром и злом, силой и слабостью, белым и черным и другими оппозициями. Пространство юрты делилось на правую (мужскую) и левую (женскую) половины, мужчины сидели по кругу справа, женщины – слева. Причем светлые, активные проявления правой передней стороны пространственной ориентации представлялись мужскими, а отрицательные (левая, задняя стороны) – женскими [16. – С.49]. Следует отметить, что Е.О. Хундаева выделяет культ гор. Гора являет собой некую вертикальную ось, связывая между собой три сферы: верхнюю, среднюю, нижнюю.

Другое мнение принадлежит С.Ш. Чагдурову. Изучение трудов С.Ш. Чагдурова позволяет выделить реально-историческую сущность пространства в эпосе «Гэсэр». Наряду с Западным и Восточным пространствами в эпосе «Гэсэр» говорится о Средином пространстве, властелином которого является Сэсэн Сэбдэг –

«сам себе господин», никому не подчиняющийся, имеющий богатые владения. Предания о Срединном мире существовали у древних тибетцев. В качестве примера ученый приводит строки из древней тибетской легенды: «Король Индии обвился вокруг Тибета, как змея вокруг дерева, Король Китая был похож на волка, залегшего в ожидании овцы, Король Ирана был похож на хищную птицу кхьонг, Король Гэсэр – на топор, врубающийся в дерево» [17. – С.34].

Согласно этой легенде, упоминание о Гэсэре подтверждает мнение С.Ш. Чагдурова о взаимосвязи между реликтами Южной Сибири, Передней Азии и Индостана. Пространство в эпосе Гэсэр, по словам Чагдурова, простирается на огромные расстояния. Об этом свидетельствуют названия местностей из «Маадай-Кара» Алтайского героического эпоса. Отсюда следует, что упоминание конкретных географических названий в тексте С.Ш. Чагдуров считает не случайным. В унгинской версии эпоса «Гэсэр» можно прочесть следующие строки: «В долине по имени Моорэн, // На краю вечного моря, // В долине по имени Хатан // На краю Черного моря, // В долине по имени Найжан // Пастбищами располагая, // Родились три хана ту-гу» [17. – С.29].

С.Ш. Чагдуров долину Моорэн не рассматривает как локальный объект, но выделяет из текста долины Хатан гол и Найжан гол, ссылаясь на карты, составленные в конце XIX века по результатам экспедиций В.И. Роборовского, П.К. Козлова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, исследовавших обширный район к северу от Тибета. Маршруты экспедиций начинаются от области Хотан на западе с древней столицей Хотан, которая располагалась на берегах реки Хотан-дарья, и завершаются на реке Катунь на Алтае и поселком Хотун около оз. Кукунор на востоке. Найджин гол (Найжан гол) берет начало в предгорьях хребта Гурбу – Найджи. Именно в долине Хатан жили жены Гэсэра, а в долине Найжан простирались пастбища родичей Гэсэра – эти названия можно найти в этих отчетных картах [17. – С.39].

Таким образом, в бурятской Гэсэриаде мы находим слияние мифологии с реально существующей картиной и элементами системы символов. Эпическое пространство в эпосе «Гэсэр» может быть представлено в виде трех пространств: мифологического, символического и реального исторического. Время же в эпосе «Гэсэр» – в повествовательном, сюжетном и эпохальном аспектах. Повествование отмечает героическое прошлое, утверждает историчность эпического мира и его составляющих, что отличает эпос от сказки. Мы приходим к выводу, что отсчет времени в эпосе «Гэсэр» принципиально неземпиричен. Эпическое время условно и носит ситуативный характер. В эпосе не соблюдаются четкие временные дистанции, но вместе с тем сохраняется последовательность событий. Следовательно, мы можем говорить о целостности эпического времени.

Литература

1. Абай Гэсэр могучий. Бурятский героический эпос / пер. А.Б. Соктоева – М.: ИФ Вост. лит. РАН, 1995. – 523 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин; сост. С. Бочаров, В. Кожин. – М.: Худож. лит., 1986. – 579 с.
3. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – Т. 1. – 288 с. ил.
4. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – Т. 2. – 288 с. ил.
5. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования) Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. – 299 с.
6. Дашиева Н.Б. Древний архетип хронотоп в традиционной культуре бурят / Н.Б. Дашиева // Традиции и инновации в этнической культуре бурят. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. – С. 98 – 109.
7. Кириленко Г.Г. Краткий философский словарь / Г.Г. Кириленко, Е.В. Шевцов. – М.: Слово, Эксмо, 2003. – 480 с.
8. Культурология. XX век. Энциклопедия. в 2 т. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Т.1. – 447 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК Интелвак, 2001. – 1600 стб.
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский – М.: ИФ Вост. лит., 2000. – 407 с.
11. Морохоева З.П. Личность в культурах Востока и Запада: к постановке проблемы / З.П. Морохоева. – Новосибирск: ВО Наука, Сиб. изд. фирма, 1994. – 206 с.
12. Никифоров К.А. Пространство и время как факторы развития западной и восточной культур / К.А. Никифоров // Наука и культура региона: концепции развития: сб. науч. тр. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – С. 3-12.
13. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность / Б.Н. Путилов. – Л.: Наука, 1988. – 223 с.
14. Санжеева Л.В. Модель мира в традиционной культуре бурят XIX-XX вв. / Л.В. Санжеева. – СПб.: Астерион, 2006. – 196 с.
15. Уланов А.Д. Космогонические представления в эпосе «Гэсэр» / А.Д. Уланов. – Улан-Удэ: изд-во БГУ, 2006. – 124 с.
16. Хундаева Е.О. / E.O. Khundaeva. Бүрэд Гэсэрэй Улигер. Бурятская Гэсэриада. The Buryat Geseriade. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 165 с.
17. Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда / С.Ш. Чагдуров. – Новосибирск: Наука, 1980. – 270 с.

Literature

1. Abay Geser the strongest. Buryat heroic epos / Trans. Of A.B. Soktoeva – Moscow: HF east. lit. RAS, 1995. – 523 p.
2. Bakhtin M.M. Literary-critical articles / M.M. Bahtin; comp. S. Bocharov, V. Kozhinov. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 579 p.

3. Geser. Buryat heroic epos. Vol. I. – Ulan-Ude : Buryat publishing house, 1986. – 288 p. il.
4. Geser. Buryat heroic epos. Vol. II. – Ulan-Ude : Buryat publishing house, 1986. – 288 p. il.
5. Dashieva N.B. The calendar in the traditional buryat culture (the experience historico-ethnographical and cultural-genetic investigation) Ulan-Ude : IPK ESSACA, 2001. – 299 p.
6. Dashieva N.B. The ancient archetype chronotope in the traditional buryat culture / N.B. Dashieva // Traditions and innovations in the ethnical culture of buryats. – Ulan-Ude : IPK ESSACA, 1999. – P. 98 – 109.
7. Kirilenko G.G. Short philosophical dictionary / G.G. Kirilenko, E.V. Shevtsov. – Moscow: Ecsmo, 2003. – 480 p.
8. Culturology. XX century. Encyclopedia. in 2 p. Vol. I. – Saint – Petersburg: 1998. – 447 p.
9. The Literary encyclopedia of terms and notions / Under edition of A.N. Nikolukin. The Institute of scientific information in social science RAS. – M. : NPK Intevak, 2001. – 1600 sb.
10. Meletinsky E.M. The poetic myth / E.M. Meletinsky – Moscow: HF East. lit., 2000. – 407 c.
11. Morokhoeva Z.P. The personality in the eastern and western cultures: to the formulation of the problem культуррах / Z.P. Morokhoeva. – Novosibirsk : VO Nauka, SIB.publ. firm, 1994. – 206 p.
12. Nikiforov K.A. Space and time as the factors of eastern and western cultures' development / K.A. Nikiforov // The science and culture of the region : the concepts of development : the coll. scient. works. – Ulan-Ude : BSC SD RAS, 1993. – P. 3-12.
13. Putilov B.N. The heroic epos and reality / B.N. Putilov. – Leningrad: Nauka, 1988. – 223 p.
14. Sanzheeva L.V. The mode of the world in the traditional buryat culture XIX-XX c. – Saint – Petersburg: Asterion, 2006. – 196 p.
15. Ulanov A.D. The cosmogonic visions in the epos «Geser» – Ulan-Ude : The Publishing house BSU, 2006. – 124 p.
16. Khundaeva E.O. / E.O. Khundaeva. The Buryat Geseriade. – Ulan-Ude : BSC SD RAS, 2006. – 165 p.
17. Chagdurov S.Sh. The orogon of Geseriade. The experience of comparative and historical investigations of the ancient word fund / S.Sh. Chagdurov. – Novosibirsk : Nauka, 1980. – 270 p.

Раднаева Евгения Александровна – аспирант кафедры теории и истории культуры ФГОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств.

e-mail: Evgrad77@mail.ru